

УДК 008

О. П. Неретин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье обсуждается проблема глобализации в сфере культурного пространства. Автор рассматривает процесс глобализации не только как экономический, но и как фактор культурной, социальной, духовной жизни общества.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, информационные технологии.

O. P. Neretin

MAJOR TRENDS AND CONFLICTS IN THE FORMATION OF MODERN CULTURAL SPACE

The article discusses the problem of globalization in cultural space. The author reviews the process of globalization as not only an economic but also as a factor in cultural, social and spiritual life of the society.

Keywords: globalization, information society, information technology.

Современные теории культурного пространства лежат на пересечении концепций глобализации и информационного общества. Большинство политиков и экономистов информационное общество рассматривается как синоним постиндустриальному обществу – в соответствии с концепцией Д. Белла, которая во многом служит теоретической основой идеологии глобализма. В основе теории постиндустриализма находится представление об эволюционном и прогрессивном развитии обществ, каждое из которых должно последовательно пройти стадии аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Если доиндустриальное общество – это общество физического труда и аграрных экономических доминант, а индустриальное общество – это технократическое рациональное общество, то постиндустриализм характеризуется более высокими позитивными ценностями, более значительным удельным весом услуг, информатизации, свободного времени, экологизма. Как и коммунистический проект К. Маркса, этот социум ориентирован человекоцентрично.

Формирование современного культурно-информационного пространства, как важнейшего фактора всеобщей глобализации, и воздействие его на цивилизационное развитие человечества, привлекает внимание культурологов, философов, социологов, политологов и др. ученых. Считается, что информатизация социальной среды привела к возникновению современной формы глобализации, в том числе и так называемой «культурной

глобализации». Глобальное культурное пространство стало результатом современного интеграционного процесса во взаимодействии культур и цивилизаций [1]. Это особая стадия развития человечества и общества, когда на основе экономических, торговых и политических связей с помощью ИКТ возникли семиотические коды и механизмы, интегрирующие человечество в глобальное целое. Это новое смысловое единство человечества возникло на основе существующих универсалий культуры, которые нашли свое глобальное проявление благодаря современным техническим средствам. Сформировался новый пространственно-временной континуум человеческой культуры.

Этап обсуждения проблем глобализации, приведший к идее «культурной глобализации», начался в 1980–1990-х годах. В число инициативных работ этого периода вошли труды А. Аппадурай «Разъединение и различие в глобальной культур-экономике» [2] и «Современность в полный рост: Культурные измерения глобализации» [3]. Так постепенно в концепциях глобализации стал доминировать культурологический дискурс. Сам А. Аппадурай рассматривает глобализацию как детерриториализацию, связанную с информатизацией и виртуализацией и ведущую к потере привязки социальных и культурных процессов к физическому пространству [4]. Считается, что в процессе глобализации формируется «глобальный культурный поток», который распадается на пять культурно-символических потоков: этнопро-

странство образуется потоком туристов, иммигрантов, беженцев, гастарбайтеров; технопостранство – потоком технологий; финанспостранство – потоком капиталов; медиапространство – потоком образов; идеопостранство – потоком идеологов. Эти текучие, нестабильные пространства являются «строительными блоками» тех «воображаемых миров», в которых люди взаимодействуют, и взаимодействие это носит характер символических обменов [5].

В концепции «воображаемых миров», создаваемых глобальными потоками, разделение на локальное и глобальное осуществляется феноменологически. Это – два типа «структур чувствования, которая продуцируется определенными формами интенциональной деятельности и которая производит определенные материальные эффекты» [6]. Локальное (этнокультурная идентичность, религиозный фундаментализм, общинная солидарность) конструируется из тех же потоков образов, которые образуют глобальное. Современное локальное столь же детеррировано, как и глобальное.

Сходный способ рассуждения и конструирования модели глобализации встречаем в работе М. Уотерса «Глобализация» (1995), в которой глобализация трактуется как совокупность тенденций, ведущих к детерризации социального, обусловленной экспансией символических обменов. Дело представляется так, что экономические обмены имеют тенденцию к локализации социальных отношений, политические обмены имеют тенденцию к интернационализации, символические обмены имеют тенденцию к освобождению социальных отношений от пространственной референции. Процесс трансляции интеллектуальных и эстетических символов может относительно легко перемещаться и осуществляться между территориально удаленными индивидами, поэтому глобализация общества – процесс, определя-

емый преобладанием культуры над экономикой и политикой. Уотерс считает, что в наибольшей степени подвержены глобализации те «измерения» экономики, в которых преобладает «символическое опосредствование» отношений – финансовый рынок и потребление, движимое принципами консьюмеризма. Гораздо менее глобализованы товарное производство и рынок труда. Политика также в большей мере глобализуется в тех ее «измерениях», где проблематизируются ценности, а не материальные интересы. Осознание в качестве глобальных проблем прав человека, экологии, сохранения мира, справедливого распределения мировых ресурсов привело к частичной делегитимации национального государства и росту числа международных организаций. Однако их влияние пока недостаточно для устранения национального государственного суверенитета как организующего принципа политической сферы.

Анализ глобализации в сфере культуры Уотерс ведет, опираясь на концепцию Аппадураи, но несколько видоизменив классификацию пространств-потоков и сориентировав ее на концепцию симулякров Бодрийера. «Измерениями» культуры в теории Уотерса являются: сакропространство, образуемое потоком симулякров религиозности; этнопространство, образуемое потоком симулякров этнической идентичности; экономпространство, образуемое потоком симулякров стоимости и капитала; медиапространство, образуемое потоком симулякров информации; досуг-пространство, образуемое потоком симулякров развлечений и впечатлений, например туристических.

Культурный глобализм можно рассматривать как проявление тенденций постмодернизма в социогуманитарном познании [7]. Постмодернизация социогуманитарного сознания привела к выводу, что доминантой глобализации является культура. Культура в этом случае предстает как наи-

более глобализованная сфера, поскольку в ней социальные отношения максимально символизированы и, следовательно, могут осуществляться без привязки к конкретной территории. Помимо этого, глобализация культуры посредством потоков симулякров передается в сферы экономики и политики, вызывая там интенсификацию глобализации. По мере утраты пространственной референции социальных отношений открывается перспектива постглобализации, под которой Уотерс понимает освобождение социальных отношений от телесной референции, что возможно, например, в киберпространстве, т. е. при коммуникации посредством компьютерных сетей. В моделях детерриториализации социального практически полностью утрачивается изначальная связь понятия глобализации с физическим пространством и подразумеваемым однородным целым. «Глобальное» у Аппадурои и Уотерса означает скорее нечто не-пространственное, нематериальное, воображаемое, символическое, гетерогенное, но всепроникающее.

Дискурс виртуализации можно также рассматривать как разновидность постмодернистского дискурса культурной глобализации. Термин «виртуальное пространство» использовал М. Уотерс, термин «виртуальная экономика» – У. Бек [8]. Привычным же для исследователей глобализации стал термин «виртуализация экономической деятельности» [9]. Р. Робертсон [10] констатирует, что понятие «виртуальное» становится существенным элементом концептуального аппарата. Суть этого процесса выражается в следующем: первое, горизонтальное, характеризует пространственные изменения, проявляющееся в виде детерриториализации, второе, вертикальное, обеспечивает симуляционность процессов. Эти отношения существуют самостоятельно лишь в силу аналитического разделения, а фактически образуют целостность – виртуализацию, в кото-

рой могут быть представлены как сущность и атрибут с постоянным перетеканием друг в друга и детерминацией друг друга. Виртуализация, существуя как базовое явление любых глобальных изменений, пронизывает всю сферу реальности, создавая новые, по сути, виртуальные явления и новую реальность за пределами территориальности. Виртуальность есть, по существу, семиотическое явление [11], так как это пространство порождается знаково-символическими средствами культуры.

Но виртуализация является результатом движения и по другой траектории – по пути информатизации. Первоначально проблема становления информационного общества на государственном уровне стала обсуждаться в США в конце 1960-х годов, после того как был выявлен значительный рост объемов информационных секторов в экономике. В 1990 году в США была разработана первая государственная концепция развития информационного общества.

После США в разработку этой стратегии активно включился Европейский Союз [12]. В 1994 г. был разработан план действий Европейского Союза на пути формирования информационного общества под названием «Европейский путь в информационное общество». Он предусматривал четыре направления:

- создание нормативно-правового пространства;
- развитие информационных сетей, классификация основных услуг, стандартизация оборудования;
- изучение социальных и культурных аспектов информационного общества;
- пропаганда концепции информационного общества среди населения с целью заручиться общественной поддержкой.

К середине 1990-х годов оформилась тенденция глобализации информационного пространства и определились основные лидеры

этого процесса. В это время развитие телекоммуникационных технологий перестало рассматриваться политиками сугубо экономически. В документах конференции стран большой «семерки», проходившей в феврале 1995 года в Брюсселе, уже было подчеркнуто, что формирующееся информационное общество – это качественные изменения в социальных взаимоотношениях и социальных структурах. Традиционные жесткие организационные структуры теряют свою актуальность и заменяются более гибкими, децентрализованными моделями. Следовательно, стратегическое направление развития информационного общества – это создание адекватной социальной и социокультурной среды. Она должна характеризоваться более высоким уровнем социальной интеграции, восстановлением чувства сообщества, сохранением и распространением национальных культур, стимулированием и укреплением дальнейшего развития демократических ценностей.

Для формирования информационного общества как социума, качественно отличного от «традиционного» капитализма, имеет значение глобализация. Уэбстер пишет: «Этим термином обозначается не просто рост интернационализации, предполагающей возросшее взаимодействие суверенных национальных государств. Глобализация – это нечто значительно большее: она означает рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений, наряду с ростом интеграции социоэкономической жизни» [13].

Глобализация не может быть только экономическим фактором, это фактор культурной, социальной, духовной жизни, который значим сегодня для множества сообществ. Развитие транснациональных корпораций и глобализация рынков является сегодня уже общеизвестным фактом. Важным показателем, который затрагивает в большей степени социокультурную и духовную сферы, является глобализация коммуникаций, созда-

ние глобальной символической среды. Возникновение глобальных имиджей, брендов, играющих сегодня главную роль в маркетинге, с одной стороны, взаимосвязано с экономическими процессами, но, с другой стороны, является проявлением культуры, влияет на моральные и нравственные ценности.

Глобальные тенденции развития информационного общества предъявляют особые требования к политическим стратегиям самых разных стран. Бурное развитие ИКТ вызывает социальные тенденции к сетевому развитию, в гораздо меньшей степени поддающемуся контролю со стороны государства. С другой стороны, сетевые структуры как будто и не требуют государственного и политического участия. В обществе наблюдается «размывание» государственных институтов и их функций, возрастание процессов самоорганизации и саморегулирования.

Однако роль государства, во многом качественно изменяясь, по-прежнему остается актуальной. Новые задачи, требующие незамедлительного решения, связаны с преодолением цифрового неравенства и обеспечением национальной безопасности в новых, сложных условиях. Реальная возможность дальнейшего увеличения цифрового разрыва приводит к росту напряженности в международных отношениях, а стало быть, глобальному росту рисков и угроз.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны требует перехода России к информационному обществу. Глобальный характер этого процесса предопределяет неизбежность вхождения нашей страны в мировое информационное сообщество. Только использование материальных и духовных благ информационного общества может обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности.

22 июля 2000 года странами «Большой восьмерки» была подписана Окинавская хартия глобального информационного общества [14]. В ней отмечается, что информационно-коммуникационные технологии сегодня стали одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИКТ становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики. Они дают возможность всем частным лицам, фирмам и сообществам, занимающимся предпринимательской деятельностью, более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы. Сущность экономической и социальной трансформации, происходящей под воздействием ИКТ, заключается в ее способности содействовать людям и обществу в применении знаний и идей. Информационное общество позволяет людям шире использовать свой интеллектуальный потенциал и реализовывать свои устремления.

Окинавская хартия основную задачу государства видит не только в содействии скорейшему развитию и распространению ИКТ и переходу к информационному обществу, но также и в реализации его полных экономических, социальных и культурных преимуществ. Окинавская хартия провозглашает либеральную парадигму государственного управления развитием ИКТ и информационного общества. В ней подчеркивается важность частного сектора, свободной конкуренции, демократических процедур. Задача государства в данной концепции сводится к созданию свободной, конкурентной среды, предсказуемой, транспарентной и недискриминационной политики и нормативной базы.

Важное значение Окинавская хартия придает преодолению цифрового неравенства. Развитие информационного общества

невозможно без развития человеческих ресурсов, более полного использования интеллектуального резерва всех людей на планете.

Культура информационного общества в современных теориях характеризуется преимущественно в тех понятиях, которые применяются и при характеристике постмодерна. Ей приписываются такие качества, как децентрализация, полистилистика, актуализация маргинальных культурных форм, многообразие векторов развития. Использование культурных форм постиндустриального и постсовременного общества для достижения каких-либо глобальных целей означает сегодня манипуляцию смыслами и нарушение нравственно-этических норм гуманизма. Концепция глобальной открытости, международной конкуренции и полного отсутствия протекционизма способствует, в конечном итоге, фиксации информационного неравенства и перерастания его в геополитическое, экономическое и духовное неравенство. Пессимистические прогнозы развития глобализации, сопровождающей информационное общество, могут иметь лишь характер неопределенного риска, но, тем не менее, последствия такого развития событий слишком существенны, чтобы оставлять их без внимания. Государственная политика национальной безопасности должна быть основана на пессимистическом варианте развития событий для того, чтобы иметь ресурсы для противостояния им. Проблемные точки [15] информатизации в России связаны с тем, что она имеет слишком мало таких ресурсов, а интенсивные темпы развития ИКТ в России не сопровождаются ростом либеральных идей, напротив, социум склоняется к авторитарным моделям управления и политической жизни. Все это приводит к росту противоречий в формировании информационного пространства и общества. С одной стороны, государство и общество не могут не признать стратегическую важность интеграции

в мировое сообщество, в том числе, с помощью развития ИКТ. С другой стороны, такая интеграция неминуемо сопровождается ростом воздействия на общество либеральной идеологии, что в условиях социально-экономического кризиса и слабой государственной власти угрожает ростом аномии, дальнейшими явлениями деградации в экономической и духовной жизни.

При этом необходимо учитывать опасности для культуры и духовного развития, которые несет в себе само информационное общество [16]. Оно содержит в себе большое внутреннее противоречие, заключающееся, с одной стороны, в возрастающей роли теоретического знания, в необходимости интенсивной и постоянной рефлексии общественной реальности, а с другой стороны, в девальвации смысла, превращении знаков в симулякры, в постмодернистском отрицании истины, знания, нравственности, науки и даже общества и самой реальности. Информационное общество – это, с одной стороны, общество знания, но, с другой стороны, его культура знаменует конец эпохи Просвещения; это, с одной стороны, максимальная рациональность и эффективность, но с другой – иррационализм, подчас переходящий в мистику.

Информационное общество, как это ни странно, девальвировало само понятие информации. Все больше людей, в том числе ученых, относятся пессимистически к наступлению информационной эры, не доверяя ни СМИ, ни данным Интернета. Обилие информации делает практически невозможной какую-либо проверку данных, социум, как оказалось, не располагает надежными институтами, защищающими людей от дезинформации и манипуляции смыслами. Постмодернизм отвечает на это полным отказом от поисков аутентичности, отрицанием ценности истинности, демонстрацией невозможности полной и достоверной интерпретации любых текстов.

Развитие информационного общества и глобализация тесно связаны с новыми вспышками насилия, межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проблемы войн, терроризма, насильственных методов политической борьбы не теряют своей актуальности. Сегодня интерес к социально-культурным и антропологическим источникам и последствиям насилия возрастает, но, по мнению В. Ярской, сегодня еще отсутствует фундаментальное исследование социальных дискриминаций, повседневного расизма, культурных факторов генезиса насилия, особенно экстремистской формы [17].

Терроризм, захват заложников, геноцид, апартеид, работорговля – это далеко не весь перечень дискриминационных практик и актов насилия. Сами властные структуры и военные органы, международные корпорации, медики, родители и педагоги нередко допускают незаконные действия в отношении бедных, женщин, детей, этнических, культурных и религиозных меньшинств, диссидентов и бездомных, безработных, стариков [18]. Как ученые, так и журналисты, общественные деятели и политики все чаще говорят о бездействии самого российского общества, которое слишком медленно идет по пути к статусу гражданского. Еще достаточно редко в обществе обсуждаются способствующие воспроизводству насилия проблемы, коренящиеся в массовом сознании, стилях жизни, стереотипах действия, захватывающих все сферы социума – от семьи до армии.

Внешним угрозам информационного давления можно противостоять, только развивая собственные ИКТ, формировать массовую информационную культуру, существенно сокращая информационное неравенство. Однако государственная политика в области информационных технологий и в сфере становления информационного общества не отличается последовательностью. В основном наблюдается доминирование технократиче-

ского подхода к информационному обществу, развитие которого представляется ограниченными технологическими, а не социальными решениями. Так, по мнению О. Вершинской и Т. Ершовой, российская специфика заключается в особенностях самого дискурса об информационном обществе: понятие «информационное общество» не используется ни в «Основных направлениях развития страны до 2010 года», ни в Федеральной целевой программе «Электронная Россия», ни на радио, ни на телевидении. Это понятие не входит в перечень утвержденных правительством РФ терминов. В России после перестройки вплоть до 2000 года (до подписания Окинавской хартии глобального информационного общества) проблематика информационного общества не была особенно популярной ни в политическом, ни в экономическом, ни в социологическом дискурсах [19].

Однако за оптимистическими цифрами роста использования ИКТ в бизнесе и государственном управлении скрываются серьезные проблемы. Они связаны, прежде всего, с вопросами оптимизации использования информационных услуг, грамотным распределением бюджетов, обучением сотрудников. Например, Г. Ладыжинский (директор по техническому консалтингу корпорации Oracle) считает: «В России ситуация с затратами на информационные технологии сложная, я бы даже сказал, запущенная. В госсекторе, например, расклад таков: 72,7 % расходов уходит на приобретение компьютеров, 18,1 % – на локальные сети, 5,55 % – на подключение к глобальным сетям и лишь 1,8 % бюджета идет на обучение сотрудников» [20].

Согласно данным Oracle, бессмысленные траты на покупку персональных компьютеров и периферии приводят к потере 48 млрд руб. в год. В целом, в российских компаниях на обучение персонала (в сфере ИКТ) тратится в десять раз меньше средств, чем на Западе (табл. 1) [21].

Таблица 1

**Формирование IT-бюджета
на Западе и в России**

	В западных компаниях (%)	В российских компаниях (%)
Оборудование	20	72,7
Сети передачи данных, телефония	12	22,6
Лицензии на ПО	17	1,9
Персонал (зарплата, обучение)	34	1,8
IT-сервисы	14	0,1
Прочие расходы	3	0,9

Внедрение ИКТ, таким образом, часто опережает культурные возможности их применения. Во многих фирмах использование персональных компьютеров ограничено несколькими, самыми простыми программами, обучение сотрудников, приобретение нового программного продукта резко отстает от возможностей, которые существуют сегодня на мировом рынке программного обеспечения. Внедрение информационных технологий, таким образом, опережает становление новой управленческой и организационной культуры. Райков А. считает, что крупные компании покупают дорогое зарубежное программное обеспечение, не имея даже предварительной концепции наведения порядка в корпоративном управлении. В большинстве компаний автоматизировать приходится хаос. Информационные системы зачастую проектируются «на рыхлой почве», когда отсутствует даже утвержденная организационно-функциональная структура [22].

Рост организационной и управленческой культуры не соответствует росту ИКТ даже в наиболее модернизированных отраслях экономики. В малых городах и сельских пунктах такой разрыв еще более значителен.

Таким образом, внедрение современных информационных технологий само по себе не является гарантом эффективной социальной трансформации общества и уж тем более гарантом перехода от индустриально-иерархической системы к информационно-сетевой. Для национально-эффективного развития информационного общества необходимо конструктивное взаимодействие трех субъектов информационной трансформации – государства, бизнеса и общества.

Очевидно, что основные опасности, угрожающие российскому обществу, заключаются как раз в движении по направлению к «узкой специализации» страны как производителя сырьевых ресурсов. Внедрение ИКТ как технико-экономический процесс не

может способствовать изменению этой траектории. Компьютеры и другие средства связи только могут оптимизировать и ускорить истребление природных ресурсов.

Государственная стратегия должна заключаться в переходе страны на производство так называемой «высокой стоимости» – новых технологий, программного обеспечения, интеллектуального продукта. Информационные технологии в рамках такой стратегии играют, конечно, важную, но все-таки второстепенную роль. Основная задача находится в социально-культурном контексте, в сфере развития образования, науки и культуры. При этом имеется в виду не высокая культура, а массовая – культура труда, хозяйствования, экономических отношений и управления.

Литература

1. См.: Гончаров П. А. Глобальное культурное пространство: философский анализ: автореф. ... канд. дис. 09.00.13. – Ставрополь, 2009.
2. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Global Culture* / ed. by M. Featherstone. – Bristol: Sage Publications Ltd, 1997. – P. 195–310.
3. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minnesota: University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.
4. Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* ... P. 301.
5. Там же. – P. 296.
6. Appadurai A. *Modernity at Large* ... P. 182.
7. См.: Попов А. В. «Государство» и «власть» в дискурсах глобализации: автореф. ... канд. дис. 09.00.11. – Краснодар, 2011.
8. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
9. Sassen S. *Territory and Territoriality in the Global Economy* // *International Sociology*. – 2000. – № 2. – P. 394–408; Arrighi G. *Globalization and the Rise of East Asia: Lessons from the Past, Prospects for the Future* // *Ibid.* – 1998. – № 1. – P. 59–77.
10. Robertson R. *Globalization Theory 2000+: Major Problematics* // *Handbook of Social Theory*/ ed. by G. Ritzer and B. Smart. – London, 2001. – 466 p.
11. См.: Удовик А. Семиотика глобализации. – М.; К.: Релф Бук, 2004; Схаляхо З. Ч. Особенности виртуализации экономической сферы современного общества: автореф. ... канд. дис. 09.00.11. – Майкоп, 2008.
12. Чернов А. А. Становление глобального информационного общества. Проблемы и перспективы. – М., 2003.
13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
14. <http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm>

15. См.: Ратиев В. В. Институализация и особенности функционирования информационных процессов в российском обществе: автореф. ... докт. дис. 22.00.04. – Краснодар, 2011.
16. См.: Там же.
17. Ярская В. Н. Нация vs насилие // Стратегия развития России и стран Восточной Европы в условиях трансформации социально-экономических систем. – Саратов: ГОУ ВПО ПАГС, 2004. – С. 39–55.
18. Туляков В. А. Жертвы злоупотребления властью и социального насилия: введение в проблему. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kiev-security.org.ua/box/13/g.shtml>
19. Вершинская О., Ершова Т. Информационное общество в России как проблема социально-политического выбора и общественной инициативы // Мир России. – 2003. – № 1.
20. См.: Купченко Д. Найти и перепрятать // Профиль. – 2004. – № 32. – 6 сент. – С. 117.
21. Там же.
22. Райков А. Фундамент корпоративного менеджмента // Открытые системы. – 2000. – № 1.